

Понятие «синхронистичность» в аналитической психологии К.Г.Юнга

Сквозь все творчество Юнга просматривается подспудная тенденция абстрагироваться от современного ему научного объяснения мира, полагая его весьма ограниченным и не способным объяснить массу явлений. Конечно, он не отрицает научного знания как такового, но пытается взглянуть шире, выйти за рамки этого знания, считая его лишь одной из форм знания. Если суть научного метода заключается в поиске закономерных, предсказуемых явлений, то объектом пристального внимания Юнга становятся случайные непредсказуемые совпадения, называемые им синхронистическими.

Категория синхронистичности, введенная Юнгом, представляет интерес уже только потому, что является попыткой объяснить ряд явлений не в терминах причинно-следственной зависимости. Вышеназванная категория и послужит объектом исследования данной статьи, где будет произведена попытка раскрыть смысл, вкладываемый Юнгом в это понятие.

Сам термин синхронистичность является производным от слова синхронность, означающего одновременное протекание каких-либо событий, но несет иную смысловую нагрузку. Под синхронистичностью Юнг подразумевает одновременное протекание событий, имеющих не причинную, но смысловую связь друг с другом в отличие от синхронных. Таковым может быть внутриспсихическое состояние индивида, имеющее смысловое соответствие в физическом мире. Примером могут служить сходные или идентичные мысли,

появляющиеся независимо друг от друга в разных точках мира в одно и то же время, или, например, сон (видение, предчувствие), имеющий соответствие во внешней реальности.

Как известно, зрелая стадия творчества Юнга отмечена космологическими построениями, имеющими начальной точкой отсчета психику отдельного человека. Руководствуясь принципом тождества микро- и макрокосма, Юнг изображает мировое целое по аналогии с человеческой психикой: если человеческая душа представляет собой целое, составляющими которого являются сознание и бессознательное с приоритетом последнего, то и мир в целом это не просто мир как представление, но психофизическое единство, пронизанное коллективным бессознательным, объединяющим все живое как единое во многом. Эта коллективная психе, по мысли Юнга, является вместилищем смысла, семантическим полем, призванным упорядочивать мировое целое посредством присутствующего ему акаузального принципа. Именно к этому полю в критические моменты жизни индивида, когда перед сознанием возникла неразрешимая апория, может произойти подключение посредством интуиции, в результате чего становятся возможными символические послания бессознательного — синхронистические феномены.

Очевидно, что такая концепция представляет собой амальгаму научной и ненаучной форм знания, и возникает естественное желание проследить ее генезис.

В качестве факторов, способствующих ее появлению можно предположить следующие: во-первых, как на наиболее вероятный первостепенный фактор можно указать на специфическое мироощущение Юнга, следствием которого был его пристальный интерес к реальности снов. Юнг полагал, что в снах имеет место высказывание бессознательного на архаичном языке, смысл которого нуждается в постижении. Сон «в руку», имеющий соответствие во внешнем мире, по мысли Юнга, — одно из характернейших проявлений синхронистичности. По его собственным рассказам подобного рода сны нередко посещали его с самого детства, как бы стимулировали его поиск ответов на загадки тайников человеческой души. Сны, по утверждению Юнга, пробудили в нем интерес к оккультизму и философии, заставили его заинтересоваться алхимией. Во-вторых, Юнг немало лет посвятил изучению оккультной и философской литературы в поисках параллелей к своей идее синхронистичности. И в действительности, он обнаруживает некоторые ее подобию в истории философии. Нет необходимости перечислять всех философов, которых Юнг считает своими предшественниками, стоит лишь упомянуть

наиболее известные имена: Кеплер, Лейбниц, Шопенгауэр. В-третьих, из своей психоаналитической практики Юнг вывел заключение о человеке как неразделимом телесно-духовном единстве, ибо, по его мнению, тело как и душа на столько же физична, на сколько и психична. Обе реальности представляют единое психофизическое пространство. Он полагал, что аномалия в психической сфере человека обязательно отражается на физиологии и наоборот. «Юнг даже был уверен, что сфера бессознательного каким-то образом связана со строением неорганической материи, на что, по-видимому, указывает существование так называемых психосоматических заболеваний»¹.

Вероятно, из сложения вышеприведенных факторов и возникло его своеобразное мировидение. Можно проиллюстрировать, как это мировидение накладывается на восприятие конкретных событий на примерах, приводимых самим Юнгом: одна из его пациенток была поклонницей рационализма, что, по мнению Юнга, являлось серьезным препятствием для ее излечения, поэтому, полагает он, требовалось иррациональное событие, которое пробило бы брешь в ее рационализме, что привело бы к исцелению. Это и произошло благодаря бессознательному, по утверждению Юнга. Во время психоаналитического сеанса, когда она делилась с Юнгом своими впечатлениями о сне, виденном накануне, в котором ей вручили золотого скарабея, в окно влетел настоящий жук из семейства скарабеев. Это иррациональное событие и явилось ключевым, ибо оно, по мысли Юнга, поколебало ту рационалистическую ориентацию, которой придерживалась женщина, побудив ее изменить свое мировоззрение, что, в свою очередь, и привело к исцелению. Другая женщина в момент смерти своего мужа, о которой она не могла знать, ибо он умер неожиданно и вдалеке от нее, испытывала чувство необъяснимой тревоги. По ее словам, это внутреннее чувство сопровождалось необычным физическим событием — большой стаей птиц на крыше, что было плохим предзнаменованием, означающим смерть близкого человека (с подобным совпадением она сталкивалась неоднократно.) По мнению Юнга, оба случая являют собой смысловое совпадение физического и психического событий. Во втором случае — совпадение с двумя физическими событиями: смертью мужа и появлением стаи птиц. Относя такие явления к группе синхронистических, Юнг дает объяснение всему происходящему на внутриспсихическом уровне. Он полагал, что в условиях невозможности понимания человеком ситуации или исчерпанности возможностей сознания происходит понижение ментального уровня, в результате чего приходит в движение повысившийся уровень бессознательного, проры

вающийся в сознание в виде архетипических представлений, в виде символов. Юнг обладал удивительной способностью сводить содержание снов, мифологий, религий, да и просто жизненных ситуаций к архетипическим сюжетам. Например: он говорит, что и скарабей и птица в вышеприведенных примерах являются спонтанно порождаемыми бессознательным символами. В первом случае — скарабей являлся символом нового рождения в мифологии древнего Египта, что, по убеждению Юнга, означает обновление психической установки пациентки, т.е. отказ от чистого рационализма. Во втором случае Юнг интерпретирует образ птицы как древнеегипетский символ души. Поэтому тревожное внутриспихическое состояние женщины сопровождается видением стаи птиц, символизирующих смерть. В обоих случаях психическое состояние человека Юнг сочетает смысловой связью с реальным физическим событием. Совершенно очевидно, что для объяснения механизма возникновения таких явлений на физическом уровне необходимо выйти за рамки человеческой психики и сконцентрироваться на космологических построениях, что Юнг и делает.

Попытаемся реконструировать тот круг представлений, по которому, предположительно, перемещалась мысль Юнга. Сосредоточимся на исходном принципе, во многом определившим конструкцию понимания Юнгом бытия, понятии энантиодромии (встречный бег). Именно в этом понятии сфокусированы особенности подхода Юнга. Этот термин, взятый у Гераклита, означает объединение противоположностей. Он напоминает Гегелевский закон: тезис-антитезис-синтез. На языке Юнга эта формула означает расхождение двух противоположных тенденций либидо, которые, постепенно достигая наивысшего напряжения, объединяются в единое, создавая нечто третье. Следуя этой формуле, Юнг объединяет материальную и духовную сферы, в качестве которых у Юнга выступают инстинкты, всегда, по мнению Юнга, сопровождаемые архетипами. Юнг считал, что архетипы являются коррелятами инстинктов. Но впоследствии пересмотрел эту идею, в результате чего архетип становится психосоматическим единством, занимающим промежуточное положение между инстинктом и образом. Это представление с легкостью переносится Юнгом на мир, и мир превращается в единое целое, обладающее материальным и духовным аспектами, являющимися лишь разными полюсами, связанными не причинностью, но синхронистичностью. В качестве звена, осуществляющего синхронистическую связь, выступает архетип, обладающий психодной (не духовной и не материальной, а промежуточной) природой, поэтому и становится параллелизм событий. Рассматриваемые в данной статье

явления, согласно Юнгу, представляют собой акты психического упорядочивания, осуществляемые архетипом коллективного бессознательного посредством смысла. При этом Юнг смысловое содержание, вкладываемое им самим в синхронистические, по его мнению, события, полагает объективным, самосущим, не зависящим от человеческого сознания смыслом. Целью же всех этих упорядочиваний Юнг как истинный врач мыслил осуществление архетипической схемы психического развития человечества, а именно индивидуацию. Ибо сознание, согласно Юнгу, дифференцированное из бессознательного, является крайне несамостоятельным образованием, искажающим действительность своей односторонностью и поэтому нуждающимся в корректировках со стороны бессознательного. Юнг говорит: «Психология не может исчерпываться только причинными методами, потому что психе живет также и целями. Психическая ясность покоится на предсущем смысле. В этом случае мы должны предположить, что знание предшествует любому сознанию»². Юнг считал, что в бессознательном каждого человека всегда присутствует априорное знание непосредственных событий. В основе такого утверждения лежит принцип тождества микро- и макрокосма, тождества целого и части, которая несет в себе всю информацию о целом. Здесь его концепция звучит в унисон с монадологией Лейбница, где монада созерцает в себе весь космос. Очевидно, что Юнгу было свойственно ощущение мира как единого и неделимого целого. И здесь принцип синхронистичности выступает как априорный аспект единства мира, дополняющий, согласно Юнгу, научный метод, основанный на аналитическом, все расчленяющем на индивидуальные процессы, мышлении. Юнг противопоставил научному мышлению, опирающемуся на закон причинности, акаузальный принцип. Он категорически отрицает зависимость синхронистических процессов от причинно-следственной связи не потому, что она неизвестна, а потому, что она немыслима.

Для анализа понимания причинности Юнгом рассмотрим интерпретацию им категорий пространства и времени. Относительность этих категорий он демонстрирует на экспериментах Рейна с отгадыванием карт. По его словам «попадание» в них превзошло все вероятности. Тот же результат остался и при проведении эксперимента, когда экспериментатор и экспериментируемый находились на большом расстоянии друг от друга. Для Юнга это послужило доказательством относительности пространства. Такое же заключение Юнг сделал и относительно времени, ибо угадывания относились к будущему. Поэтому и причинность принимает статус относительности, т.к.

она есть последовательность причины и следствия, исчезающая, по мысли Юнга, вместе с пространством и временем. Он говорит: «Относительно психе пространство и время являются «эластичными» и могут быть сведены до почти незаметной точки, как если бы они зависели от психического состояния и существовали не сами по себе, а только как постулаты осознающего разума... они стали жесткими концепциями только в ходе ментального развития человека, в основном благодаря введению единиц измерения»³. Пространство, время и причинность Юнг относит к априорным формам рассудка, следуя определенной философской традиции, берущей начало от Юма.

Юм, оставляя открытым вопрос о способе воздействия вещей на наши органы чувств, концентрирует все внимание на психологических механизмах, заставляющих нас верить в существование таких объектов. Поэтому критика объективной причинности находится в центре его философии. Он утверждает о невозможности ни интуитивно, ни логически заключить о причинно-следственной зависимости явлений. В основе подобных заключений лежат, по его мнению, лишь привычка и вера.

Эту тему далее развивал Кант. Обосновав непознаваемость объективных законов субъектом, он разработал учение о познании объекта по законам субъекта. Время и пространство у Канта, превратившись в априорные формы чувственности, становятся условиями чувственной восприимчивости объекта созерцания. Категории же Кант превращает в условия мыслимости данного в опыте предмета. Одной из 12 категорий у Канта является причинность.

Следующим звеном в этой цепочке был Шопенгауэр. Он сблизил чувственность и рассудок, утверждая их бессознательное иррациональное единство. Из числа признававшихся Кантом категорий Шопенгауэр принял лишь одну причинность. Но к разряду категорий он присовокупил пространство и время, что логически вытекало из слияния рассудка и чувственности. Причинность у него — одна из форм закона достаточного основания, применимая к миру эмпирических, действующих объектов. Сущность материи для него заключается в причине и действии. Только действуя, изменяясь, материя наполняет пространство и время. Причинность же — это связь изменений между собой. Важно подчеркнуть, что априорные формы у него — время, пространство и закон достаточного основания, относятся к миру как представлению, но не к миру как воле, на которые Шопенгауэр разделяет мир. Воля Шопенгауэра как вещь в себе находится вне времени и пространства. Она едина и неделима, потому что отношение части и целого принадлежит пространству и времени. Воля всецело присутствует в каждой вещи природы.

Юнг был очень хорошо знаком с философией Шопенгауэра. Между ними можно обнаружить определенную преемственность. Нет никакой необходимости проводить сравнительный анализ этих двух концепций. Достаточно лишь сказать о сходстве их взглядов на закон причинности и о некотором подобии бессознательного Юнга и воли Шопенгауэра.

Итак, к бессознательному Юнга не применимы категории пространства и времени. Поэтому Юнг не приемлет объяснения синхронистических явлений с точки зрения телепатии, которая, по мнению Юнга, имеет причинную основу, поскольку телепатия — по определению — есть передача мыслей и чувств (энергии) на расстоянии.

Но тогда возникает вопрос: каким образом архетип осуществляет свои функции? Юнг отвечает на этот вопрос, исходя из принципа тождества микро- и макрокосма. Ведь все, что происходит в целом, происходит и в каждой из его частей, т.е. все происходящее в коллективном бессознательном имеет место и в душе каждого человека, ибо архетип присущ каждой индивидуальной душе таким же образом, как и коллективной душе. В качестве иллюстрации к этой мысли можно привести неоплатонические спекуляции о мировой душе.

Надо сказать, что концепция синхронистичности у Юнга претерпевала в процессе творчества определенные изменения, охватывая все больший круг явлений. Если в ранний «лабораторный» период синхронистичность определяется им как случайный и необъяснимый случай, то в более поздний период своего творчества Юнг расширяет это понятие. Положив в основу макромира акаузальный упорядочивающий принцип, представляющий собой, по мысли Юнга, имеющую место всегда эквивалентность физического и психического событий (упорядоченность кванта энергии, распад радия), Юнг характеризует синхронистичность как отдельный случай общего акаузального принципа. Теперь она представляет собой тот же параллелизм событий, только во времени, где субъект постигает смысл данного явления. Он эти явления называет актами творения во времени. Теряет синхронистичность и качество неповторимости, ибо теперь ее можно вызвать экспериментально. В конечном итоге синхронистичность у Юнга превращается в не совсем случайную случайность или в закономерность. В своем предисловии к книге переман «ИЦЗИН» Юнг подводит синхронистические явления под категорию закономерных, ибо, по его представлениям, между запрашиваемой ситуацией и одной из 64 гексаграмм существуют регулярные взаимосвязи. Юнг отталкивается от допущения внутреннего знания, соединяющего некое физическое событие с психи

ческим состоянием. Согласно Юнгу, здесь субъект обращается как бы к самому себе, к своему бессознательному, ибо он столкнулся с ситуацией невозможности, где исчерпаны все возможности его сознания. Происходит активизация бессознательных содержаний, а гексаграмма, образованная выпадением стеблей тысячелистника, соответствует бессознательным содержаниям, ибо каждая гексаграмма, по убеждению Юнга, является как бы фрагментом психофизической реальности. Для него выпадение стеблей тысячелистника и бессознательное связаны одновременно и смыслом, как инстинкт и архетип, а количество выпавших стеблей выражает число, выступающее символом данной ситуации.

Согласно тому же принципу Юнг разрешил и проблему отношений души и тела. Юнг долго колебался, прежде чем сделал это заключение. Он говорит: «Я снова должен подчеркнуть возможность того, что связь между телом и душой будет пониматься как синхронистическая. Если это предположение окажется верным, то в мое нынешнее представление о том, что синхронистичность является относительно редким явлением, будет необходимо внести поправку»⁴. И он вносит эту поправку, расширив понятие синхронистичности. Все, что говорилось относительно мира в целом, относится и к индивиду — между душой и телом существует синхронистическая связь. Такое разрешение проблемы душа-тело заставляет оглянуться на историю философии и вспомнить Лейбница с его идеей предустановленной гармонии. Материя и монады у него также не связаны причинностью, но всякое тело, по Лейбницу, является живым и одушевленным, поскольку что связано с деятельной субстанцией. «Не бывает ни душ, совершенно отделенных от тела, ни бестелесных гениев»⁵. Но согласно Лейбницу, материальное и духовное объединены предустановленной гармонией, наподобие двух часов. Если же эти силы не разделять, а считать их полюсами одного целого, то в результате получится аналог синхронистической связи между душой и телом у Юнга.

В силу всего сказанного все культуроросидающие процессы надо отнести к синхронистическим актам, ибо все они, согласно Юнгу, являются творениями бессознательного. Юнг набрасывает схему так называемого брачного кватерниона — символа четверичности, целостности души. Это, по его мнению, и есть образ цели, проецирующийся вовне из бессознательного и являющийся: во-первых, схемой, во-вторых, силой, заставляющей человека осуществлять эту схему. Подразумевается брачное устройство примитивного человеческого коллектива в виде кросс-кузенного брака, фратриальное

объединение первобытных обществ, основанное на принципе дуальной экзогамии, через которое, как предполагается, прошли все человеческие общества на заре своего развития. Очевидно, что здесь имеет место смысловое совпадение событий на физическом и психическом уровнях, моменты творения во времени. Но Юнг почему-то не относит их к категории синхронистических. К этой же категории следует отнести и культы, ритуалы, религии, мифологии и т.д., ибо все они, согласно Юнгу, являют собой реализацию архетипических сюжетов.

Сквозь призму своей теории по-иному Юнг оценивает и эволюционное прошлое нашей планеты. Он отходит от синтетической теории эволюции. Эволюция с точки зрения Юнга происходит не путем накопления мутаций, в результате чего появляются новые виды, одни из которых вымирают, а другие, более приспособленные, выживают, а в результате синхронистического изменения паттерна видового поведения.

С обеспечением высшим онтологическим статусом коллективного бессознательного повышается и статус всех ему приписываемых характеристик. Речь идет о человеческих эмоциях. Поэтому у Юнга главную роль в синхронистических явлениях играет эмоциональность. Он часто ссылается на эксперименты Рейна, где воля и желание индивида играли определяющую роль, чем сильнее желание отгадать, тем выше результат, и наоборот. Именно эмоциональность, как полагает Юнг, изменяет путем сжатия пространственно-временной континуум, тем самым открывая душу априорному знанию непосредственных событий. Такой подход Юнга в корне противоречит рационалистической традиции, старающейся исключить чувственную очевидность и противопоставляющей субъект объекту. В этом смысле Юнг был солидарен с известным физиком Паули. Поэтому свое сотрудничество они оценивали как акцию взаимодополнения единой реальности качественным и количественным аспектами, представленные физикой и психологией бессознательного. Мир как единое и неделимое — это качественное видение целого, для которого характерно отождествление микро- и макрокосма. Другое видение — количественное отношение между частями, соразмерность частей и целого. Их точка соприкосновения заключается в том, что и психология бессознательного и современная физика доказывают важность учета психической реальности наблюдателя в физическом эксперименте. Современная квантовая механика пришла к выводу о двойственной корпускулярно-волновой природе объектов, причем то или иное определение проявляется в связи с конкретными экспериментальными условиями. Последние же за

висят от выбора наблюдателя. Бор по этому поводу высказывается следующим образом: «В микрофизике характер законов природы таков, что за любое знание, полученное в результате измерения, приходится расплачиваться утратой другого дополнительного знания. Поэтому каждое наблюдение представляет собой неконтролируемое возмущение как средства наблюдения, так и наблюдаемой системы, и нарушает причинную связь предшествовавших ему явлений с явлениями, следующими за ним». Суть всего сказанного сводится к тому, что физический эксперимент не протекает изолированно, как в классической физике, а наблюдатель включается в эксперимент, тем самым привнося самого себя со своими эмоциями, идеями и понятиями, что не позволяет встать на детерминистскую точку зрения, принятую в классической физике, все это звучит в унисон с холистскими взглядами Юнга, исходя из которых принцип причинности, относящийся к сознанию, дополняется принципом синхронистичности бессознательного. Поэтому Юнг считал, что современная наука приближается к унитарной идее бытия, характеристикой которого является помимо пространства, времени, причинности еще и синхронистичность с присущим ей качеством смысла или целенаправленности, где нет несоизмеримости наблюдателя и наблюдаемого. Результатом будет единство бытия, называемое алхимиками *unus mundus*.

XX век — век полифонии, век диалога, когда древность протягивает руку современному знанию. Юнг является определенным культурным событием нашей эпохи. Не следует недооценивать философского значения идеи синхронистичности, которая ставит акцент на интуиции — способе, с помощью которого, по мысли Юнга, осуществляется постижение вневременной смысловой связи событий, постижение макрокосма в себе. Если развивать мысль Юнга, то это вхождение в смысловое поле, во многом сходное с Платоновским постижением эйдетической реальности, можно назвать «сверхсознанием». Это источник наиболее глубоких творческих идей в философии и науке, являющихся основным стержнем человеческой культуры. Можно предположить, что все будущие творческие идеи находятся в потенции в этом «бытии в смысле». Осознанное и целенаправленное проникновение в это поле могло бы кардинальным образом изменить жизнь человечества, ускорить творческие процессы, предвидеть будущие негативные события, влиять на будущее. Безусловно, эта идея представляет большой интерес и являет собой определенный вклад в сокровищницу нашей культуры.

Примечания

- ¹ Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997. С. 310.
- ² Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997. С. 212.
- ³ Там же. С. 289.
- ⁴ Лейбниц Г. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. С. 426.
- ⁵ Паули В. Физические очерки. М., 1975. С. 173.